

АНТРАКТЪ. 50.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по средамъ. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкой на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногороднихъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Сроки подписки считаются съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается еженедѣльно отъ 9 часовъ утра до 3 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (на Ив. Смирнова), на Пявильской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Смѣхъ и слезы. — Некрологъ. — Курьезы, замѣтки и вопросы (Письма темныхъ людей. Сепсаци по поводу театральнаго обихода. Плачущей театральнѣй коштѣ, *Стихи*).

СМѢХЪ И СЛЕЗЫ.

(Изъ писемъ къ редактору.)

Легко ли отрывать отъ впечатлѣній и радостей дѣтства? Легко ли отказываться отъ того, что намъ дорого и мило?... Не удивляйтесь, что я обращаюсь къ вамъ съ этими вопросами: вы увидите, что я имѣю на это право.

Если бы вы знали, какими горячими, но вмѣстѣ и пріятными слезами плакала я, съ жадностью выслушавъ и просматривая исторіи симпатичныхъ *Извозчиковъ*, *Дѣтскихъ докторовъ*, *Школьныхъ учителей*! — Если бы вы только знали, сколько очарованія, сколько чарести заключалось для меня во всѣхъ недостижимыхъ ужасахъ *Розовыхъ Павлинонь* и *Занковъ Кавальканти*! Какимъ таинственнымъ трепетомъ волновалась я, сидя въ театрѣ, и какіе, ни съ чѣмъ несравнимые свѣты видѣлись мнѣ потомъ! Было что-то беззавѣтно-увлекательное въ тѣхъ вечерахъ, которые я проводила въ театрѣ! И, Боже мой, какъ я благоговѣла передъ самымъ словомъ: *театръ*, при одномъ взглядѣ на не совсѣмъ-то красивое зданіе Малаго театра! И что же? Вдругъ всѣ эти Люсины, Жаки-Клоды, Марки-Броляты какъ будто выкуриваются со сцены какимъ-то недобримъ куревомъ, отъ нихъ не остается и слѣда; а съ ними исчезаетъ и все мое очарованіе!... Я не могу передать вамъ то ожесточеніе, ту досаду, словомъ, все то, что перечувствовала я въ то время. Господи, какъ хотѣлось мнѣ въ то время сдѣлать — я не знаю что — съ тѣми, кто... Впрочемъ, это все ужъ дѣло прошлое, старое; а кто старое помянетъ... Досада моя увеличилась еще больше, когда мнѣ доводилось сплошь и рядомъ смотрѣть какихъ-то *Таней* и разныхъ такихъ плаксивыхъ, подслѣповатыхъ и чахлахъ персонъ, которымъ куда-какъ далеко было до Люсплей. Я смотрѣла, скучала и тосковала о миломъ быломъ. Когда я собиралась въ театрѣ, во мнѣ уже не занимался, по прежнему, духъ. Такъ прошло года два. Стали язвѣдка играть комедіи Шекспира. Я перестала скучать въ театрѣ, ко мнѣ стало возвращаться прежнее вниманіе; во прежней жадности не было, потому что не было и прежняго очарованія. Я безотчетно, хоть и очень прістально

всматривалась въ совершенно новый для меня родъ піесъ, какъ всматриваются въ новое интересное лицо. Но вотъ одна за другою, пѣзой веревочкой потянулъсь комедіи Мольера — я и снова стала испытывать пріятно-тѣмное состояніе, хотя вовсе не похожее на прежнее. Я волновалась какимъ-то новымъ, совершенно особеннымъ волненіемъ. То былъ смѣхъ, смѣхъ заразительный, смѣхъ — раздражавшій только нервы. Я полюбила этотъ смѣхъ — и смѣялась неудержимо, смѣялась почти завопивъ, смѣялась такъ часто, какъ только могла, т. е. какъ только могла не пропустить представленія мольеровской комедіи. Я стала просто раздражительна въ смѣхѣ, дошла до смѣшливости и — вообразите — не могу теперь безъ смѣха видѣть даже и слезы на сценѣ. Въ *Комедіи Вильде* мнѣ было смѣшно до слезъ отъ слезъ Федотовой; въ *Святскихъ ширнахъ* я до такой степени не сумѣла удержать свою смѣшливость и при томъ въ самую, казалась-бы, неудобную для смѣха минуту — въ минуту смерти обманутой жены, — что сестра моя прямо сказала мнѣ, что со мною скоро вѣлья будетъ во время представленія серьезныхъ піесъ сидѣть въ одвой ложѣ. И, можетъ быть, это правда. Но что-же мнѣ дѣлать? Знаете-ли, совѣстно признаваться, во вѣдь такимъ же смѣхомъ я стала осмѣивать и мои собственныя, бывшія слезы такъ и дорого стоявшія мнѣ слезы. Не въ правѣ-ли я заключить отсюда, что эти прежнія слезы мои дѣйствительно были смѣшными слезами и что истинныхъ слезъ я не знала и не знаю? Вѣдь есть же, должны же быть эти истинныя слезы? Въ самой жизни страшно и я не хотѣла бы, признаюсь, искать, найти и попробовать ихъ; по въ театрѣ, гдѣ я, можно сказать, научилась смѣяться настоящимъ смѣхомъ, въ театрѣ я не прочь бы поплакать и настоящими слезами... Я теперь читала кое-что у Шекспира, у Шиллера и сказала бы: покажите мнѣ исторію любви Ромео и Джульетты, Луизы и Фердинанда, Гамлета и Офеліи... Но вотъ именно Офелію то недавно и видѣла я и надъ ея сусмѣстствіемъ, какъ его представляла Федотова, — покаюсь ужъ и тутъ — отъ всего сердца смѣялась; а потому лучше и не назову, не хочу назвать ни одной піесы. Да я и не могу назвать... и не знаю. А знаю я только одно, — что если театръ можетъ смѣшить, то онъ можетъ и трогать. Слыш-

наго вѣдь вотъ нашлось же почти на цѣлый вывѣш-
ный сезонъ, а на будущій сезонъ пайдется, можетъ
быть, и истинно *тросительное*. Ну, а ужъ какъ и чѣмъ
можно трогать зрителей, гдѣ и въ чемъ искать тро-
гательнаго,—объ этомъ пусть подумаютъ тѣ, кому
о томъ вѣдать надлежитъ. Пусть подумаютъ объ
этомъ актеры... Наконецъ, вы подумайте объ этомъ...
Ну, да ужъ я не знаю тамъ, какъ это сдѣлать, а мнѣ
только кажется, что сдѣлать это и можно и должно.
О первыхъ настоящихъ слезахъ, которыми заплачу
я въ театрѣ, я непременно напишу вамъ, а пока,
прошу васъ, напечатать это письмо мое...

Ольга В.-ви.

НЕКРОЛОГЪ.

— На дняхъ умеръ въ Петербургѣ *Евгеній Ма-
каровичъ Семеновъ*. Имя это незнакомо публикѣ,
но оно было пѣвѣстно всѣмъ служащимъ при пе-
тербургскихъ и московскихъ театрахъ, а потому
въ театральной газетѣ будетъ лелючимъ нѣсколь-
ко словъ объ этомъ скромномъ, но тѣмъ не менѣе
полезномъ труженникѣ, который около 50 лѣтъ по-
святивъ на службу театру, любилъ его и своею
негромкою и безъпизнестною для публики дѣятель-
ностію приносилъ ему немало пользы.

Бывши еще почти мальчикомъ, поступилъ онъ
на службу при петербургской театральной дирек-
ціи и умеръ на этой службѣ. Онъ занималъ мѣ-
сто секретаря при дирекціи императорскихъ теат-
ровъ и, со времени соединенія московской театраль-
ной дирекціи съ петербургскою, преимущественно
запмался дѣлами московскихъ театровъ. Онъ по
справедливости считался знатокомъ театрального
дѣла и его долговременная опытность, его способ-
ности, его познанія и необыкновенная память дава-
ли ему полное на то право. Это былъ ходячій теат-
ральный архивъ и невозможно было найти самага
запутаннаго случая въ театральномъ управленіи,
котораго покойный, по своей опытности и знанію
дѣла, не сумѣлъ бы разрѣшить.

Покойный имѣлъ доброе сердце, готовое помо-
гать ближнему. Имѣвшіе къ нему дѣло всегда на-
ходили у него добрый совѣтъ и помощь. Имя
Евгенія Макаровича было очень популярно между
театральными. Въ первой половинѣ пятидеся-
тихъ годовъ, онъ нѣкоторое время правилъ долж-
ность инспектора репертуара петербургскихъ те-
атровъ и, во время исправленія этой должнос-
ти, оказалъ услугу этимъ театрамъ. Онъ появля-
лся знаменитая петербургская трупа сороковыхъ
годовъ въ то время старѣлась, приходила въ упа-
докъ, что ее надо было оживить новыми си-
лами, и вотъ онъ занялся подготовкою этихъ
силъ. На сценѣ тогдашняго театра-цирка онъ на-
чалъ давать представленія, обставившіяся молоды-
ми, начинающими артистами. Тамъ, такъ сказать,
обыгрывались эти артисты, тамъ привыкала къ
нимъ публика и съ этихъ подмостковъ они перехо-

дили на сцену Александринскаго театра. Изъ
числа начавшихъ свое поприще въ театрѣ-циркѣ
многіе вошли въ число первыхъ артистовъ пе-
тербургскаго театра, какъ напр. Читау, Зубровъ
и др. Мысль покойнаго Семенова была образованъ
мало по малу изъ театра-цирка—народный театръ,
на которомъ бы играли молодые, начинающіе арти-
сты. Мысль эта прекрасная; но ей не удалось осу-
ществиться. Въ 1853 году Семеновъ оставилъ испол-
неніе должности инспектора репертуара.

Въ послѣднее время здоровье *Евгенія Макарови-
ча*, состоявшее изъ тайми и постоянными занятіями,
примѣтно стало слабѣть. Докторъ запретилъ ему
наконецъ выходить изъ комнаты. Но больной, какъ
разсказываютъ, хотѣлъ непремѣнно видѣть дебютъ
на петербургской сценѣ г-жи Гравцовой, которой
онъ никогда не видѣлъ на сценѣ, и тайно отъ док-
тора, вопреки увѣщаніямъ своего семейства, отпра-
вился въ театръ. Возвратясь изъ театра, онъ ска-
залъ: «ну, теперь можно умереть,—я видѣлъ Гра-
цову». Словамъ этимъ, сказаннымъ въ полусонѣ,
суждено было осуществиться: эта поездка въ
театръ ускорила его кончину. На смертномъ одрѣ
онъ постоянно бредилъ театромъ и именами арти-
стовъ. Семеновъ былъ женатъ на сестрѣ знамени-
таго трагика, В. А. Каратыгина. Послѣ него оста-
лось нѣсколько сыновей.

В. Р.

КУРЬЕЗЫ, ЗАМѢТКИ И ВОПРОСЫ.

Письма темныхъ людей.

Мы въ горѣ, мы въ большомъ горѣ; только не
знаемъ, поймете ли и раздѣлите ли вы это наше
горе? Сокрушаетесь ли вы о томъ, что теперь, по
причинѣ временнаго пріостановленія *Голоса*, цѣлыхъ
два мѣсяца долженъ безмолвствовать его московскій
фельетонистъ, наиприятнѣйшій, наиглубочайшій г.
Псевдопимъ? Станете ли вы подсмѣиваться надъ
нами, находящимися теперь въ положеніи маль-
чика, въ слезахъ стоящаго передъ пустой клѣт-
кой, изъ которой только-только что вылетѣлъ его
любимый соловей? А, какъ нарочно, какія-было
сладчайшія пѣсни ухитрился выводить нашъ голо-
систый соловушко! Читали ли, напр., вы хоть ту
прозаическую оду, написанную имъ въ № 324 Го-
лоса, на смерть одного генерала, которому, накану-
нѣ его смерти, г. Псевдонимъ *пожималъ руку* (пу-
тите-ка вы послѣ этого имя)? Если читали, то
скажите по душѣ, откровенно, — ну, можетъ ли идти
въ сравненіе съ этой одой даже стихотворная
ода Державина «На смерть князя Мещерскаго»?
А какими громовыми трелями сталъ было гро-
котать нашъ соловушко на вашу честь и голо-
ву? И по дѣломъ: зачѣмъ вамъ было злобить голо-
систую птичку? Знаете ли, что, разливаясь въ ру-
ладахъ объ Артистическомъ Кружкѣ (въ томъ же
324 № Голоса), онъ щебеталъ о васъ, что вы *подъ
искренностію разумѣете озлобленіе, и подѣ крити-*

кою неумеренно брань, что вы безмерно самолюбивы и горды, недопускающий и не терпящий ничего хорошего вне тѣсныхъ предѣловъ вашего крошечнаго созерцанія? И опять-таки по дѣломъ вамъ: зачѣмъ вамъ было указывать пятна Артистическаго Кружка, когда пятна есть и на солнцѣ? Съ чего это, напр., вы взяли свидѣтельствовагь, что *Артистическій Кружокъ* рооно ужъ ничего новаго не внесъ въ нашу общественную жизнь? И когда вы (за вами, наконецъ, ужъ и мы не услѣдимъ) успѣли свидѣтельствовать это? Тогда ли, когда сообщали о новомъ обычаѣ, внесенномъ въ жизнь Кружка, — распорядиться старшинамъ посвойски не только съ прислугой, но и съ публикой, которая однажды при насъ подверглась публичному окрикку и строгому внушенію; или когда описывали новое, придуманное Кружкомъ, наидѣйствительное средство умилостивлять разгнѣванныхъ старшинъ доущевіемъ перебаллотировокъ; или когда докладывали о новыхъ драматическихъ произведеніяхъ, внесенныхъ въ общественную жизнь съ эстрады Кружка; или когда трактовали вы о новыхъ темахъ для совѣщаній и баллотировокъ въ Кружкѣ, въ родѣ, напр. темы о томъ, свободны ли отъ прикосновенія посторонней руки посылы почетныхъ и непочетныхъ членовъ Кружка; или, наконецъ, когда одобрили новую цѣль Кружка — заботиться о распространеніи въ нашихъ провинціяхъ танцевъ посредствомъ безплатнаго допущенія на тапцопальныя вечера Кружка *прѣзжихъ* литераторовъ и ученыхъ? Скажите, Бога ради, какъ и когда это угораздило васъ, повѣствовавшихъ о всемъ новомъ, что вносилъ Кружокъ въ общественную жизнь, — обмолвиться и сказать, что Кружокъ *ровно ужъ ничего новаго не внесъ*? Зпасте ли, что вѣдь за все это ваша бидная, въ логическомъ смыслѣ, аргументація, какъ увѣрить Псевдонимъ въ 324 № Голоса, *можетъ быть взята за образецъ* какихъ-то *перерывныхъ* (sic) *панидокъ*, *лишь* для которыхъ служить, подобно *Артистическому Кружку*, подобно *многому другому и многимъ другимъ* (понимаете?). — и *русская опера*? Что? Довольны? Каково отлѣлалі-то васъ Псевдонимъ? А что въпоиі всему этому, какъ не замѣченное тѣмъ же Псевдонимомъ (тамъ же) ваше *неулыбчивое* говорить о немъ, либо *серьезно*? Ну, а ужъ что до *серьезности*, то всякому, *неулыбчиво* говорить *серьезно*, мы всегда готовы сказать: «А жаль, что пеникомъ ты съ нашимъ... соловьемъ»

— Знаете ли, что вѣдь у г-жи Александровой (при исполненіи партіи Маргариты) *излишняя сторона музыкальной фразы* (смотри имѣющую явиться въ печати *Фельетонную Христинину*, о которой мы говорили въ послѣднемъ письмѣ) *была безукоризненна*? Какъ не пожалѣть только, что, говоря (Голосъ № 324) объ *излишней сторонѣ*, Псевдонимъ не взялъ на себя труда упомянуть при этомъ также и о томъ, была ли *укоризненна* — *неизлишняя* сторона той-же *музыкальной фразы*? Можно-ли однако, при всемъ томъ, не удивляться *безукоризненности* *излишней стороны* словесной фразы Псевдонима?

— Не прелестно-ли, напр., и такое выраженіе

г. Рапортъ — *довольно пріятный пивецъ*? Не правили, что этимъ сказано такъ много, что въ глубинѣ смысла этихъ словъ можно провалиться прямо *умственному оку*?

— А что за цвѣты краснорѣчія благоухаютъ въ полиспидикъ Псевдонима въ другомъ, 334 № Голоса! Не вѣсть ли на васъ какою то весеннею свѣжестью и ясностью отъ какихъ-то *прецедентовъ жизни*, отъ *боренія страстей* и проч. и проч.?

— Зачѣмъ вы постоянно лжете? Припоминайте, что вы писали о Сашенькѣ, какъ вы глумились надъ приключеніями этой *свѣтской шутки* и надъ приторностью игры Федотовой въ этой роли? Къ чему вы все это писали? Вѣдь вы противъ себя писали! Вы плакали! Да, вы не могли *удержать слезы*, *проступившія у васъ на глазахъ*; вы плакали горючими слезами, вмѣстѣ съ *артистичными*, *участовавшими въ исполненіи пьесы Дьяченко* *и ожидавшими за кулисами очереди своего выхода*? Да, да! Вы поймапы: вы плакали, глядя на Федотову въ роли *шутки*! И знаете-ли, кто пыталъ въ этомъ случаѣ пастъ? Все онъ же. Псевдонимъ, когда (Голосъ № 334) повѣдалъ, что отъ *безподобной* игры Федотовой *самые серьезные и холодные изъ зрителей* (а, стало быть, какъ разъ и вы) *не могли удержатъ слезы*, *проступившія у нихъ на глазахъ*? (Кстати, на чемъ еще, кромѣ глазъ, могутъ *проступить слезы*?) Ну, а мы привыкли безусловно вѣрить Псевдониму, особенно въ *безукоризненности* *излишней стороны* его фразы. Да и какъ не вѣрить слову его провидательности, когда онъ, *совѣсть увлекшись безподобною игрою Федотовой*, въ одно и тоже время соболѣзновалъ о томъ, что *такой даровитый артистка* не получаетъ *поспектакельной* платы, и прозиралъ за кулисами плакавшихъ актеровъ своимъ физическимъ окомъ, на которомъ *проступили слезы* и, вѣроятно, въ изобиліи, такъ какъ Псевдонимъ далеко не изъ *самыхъ серьезныхъ и холодныхъ зрителей*?

— Слышали-ли вы, если не физическимъ, такъ умственнымъ ухомъ, какъ *люди* на бенефисномъ спектаклѣ Колосовой, *совѣсть* *фыркали* надъ частностями мольтеровскаго «Тѣкаря по неводѣ»?

— Ахъ, Господи! А что, какъ говоря о томъ, что Псевдонимъ *совѣсть увлеченъ*, или что молодежь *совѣсть* *фыркала*, мы *совѣсть* коснулись *прецедентовъ жизни*? Вѣдь слова этого мы, между нами, вѣдъ-таки не разумѣемъ, и потому развѣ не могли, по невѣдѣнію нашему, *коснуться* какихъ-нибудь страшныхъ *прецедентовъ*, какъ мольтеровскій *Журденъ*, по невѣдѣнію, говоря въ прозѣ, не имѣя понятія о томъ, что такое *проза*? Кстати: *прецедентъ* не то же, что и *преципъ*? Ахъ, если бы это было такъ! *Преципно* мы теперь начинаемъ смеяться, потому повъ и Паповскій пустилъ это слово у себя въ ходъ: «все—дескать—(въ цпркѣ Гиппел) *испол шетелъ съ большою преципией*» (Совр. Мѣт. № 39) Вотъ вамъ и сказъ: съ *преципией*—да и все тутъ

— Да! Чуть было не забыли! Знаете-ли, что въ 334 № Голоса Псевдонимъ и насъ, людей *темныхъ*, почтилъ своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ? Да съ, какъ же! *Темные люди* одного изъ *литературныхъ уголковъ* *города Москвы*—говоритъ онъ—не понимаютъ

полемики. Ну, не въ нравѣ-ли, признайтесь, онъ, былъ сказать это про насъ, знал нашу крайнюю непонятливость, особенно въ отношеніи иностранныхъ словъ, каково я слово *мужей*? Ужъ не для того-ли — какъ начинаемъ мы, можетъ быть, вовсе не кстати догадываться теперь — и употребляетъ-то Псевдонимъ безпрестанно разные прехитрыя слова, чтобы издѣваться надъ нашей темнотою? Вотъ вѣдь и въ томъ-же 334 № Голоса заговорили онъ, злодѣй, о какомъ-то *формальномъ мандатѣ*, котораго кто-то не имѣлъ. Что это за *формальный мандатъ*? О, велемудрый Ляпкинъ-Тяпкинъ! Понимаемъ, даже очень хорошо понимаемъ мы теперь, какого столбняка напустили на тебя слово *поветонъ*, замолвленное о тебѣ злодѣемъ-Хлестакопомъ!

— Да, замолвить, на ильые два мѣсяца замолвъ Псевдонимъ. Но въ утѣшеніе всѣмъ, приснымъ оному Псевдониму, остается еще г. Н. Н., который навѣваетъ чуть-что не въ одинъ голосъ съ Псевдонимомъ. А часто даже еще г. Н. Н. оставляетъ за собой назадъ Псевдонима. Такъ, у послѣднiго, напр., отъ безподобной игры *дирижеромъ* Федотовой *проступили на глазахъ слезы*, отъ чего однако физическое зрѣніе его ни мало не потерпѣло и онъ прозираетъ даже за кулисы; а вотъ у г. Н. Н. и слезы па очкахъ (физическихъ) *не проступали*, а посмотрите-ка, что увидишь-то онъ? — Что Федотова въ 4 актѣ «Сибирскихъ ширмъ» *выросла до первоклассной артистки*. Шугка-ли: вырасти въ одвомъ актѣ! Ну, не чудеса ли въ рѣшетѣ, право, творятся на нашей сценѣ! Ну, не *формальный-ли* это *мандатъ* или, по крайней мѣрѣ, *прецедентъ*? Бѣтъ и г. Н. Н., подобно Псевдониму, обличаетъ васъ по лицу, и онъ (Совр. Лѣт. № 41) свидѣтельствуешь, что *всякому* (слышпте-ли: *всякому!*) *видно* было, что *любовь къ мужу* наполняетъ все существо *ширмы-Сашеньки*. Или что-то въ этомъ родѣ. Къ чему же, еще разъ спрашиваемъ васъ, вы такъ на пропащую лжете?

— Не знаете-ли, почему это передѣлка «Школы мужей» Ан. Григорьева — *известная* передѣлка, какъ называетъ ее г. Н. Н. (Совр. Лѣт. № 41)? Чѣмъ она особенно *известна*?

— А что за удивительная память у г. Н. Н.! Повѣрите-ли, что онъ помнитъ даже и то, чего никогда не было? «Я помню, — говоритъ г. Н. Н. (Совр. Лѣт. № 41) — «Школа мужей» въ этой самой передѣлкѣ (т. е. Ан. Григорьева) шла уже на нашей сценѣ въсколько лѣтъ тому назадъ при покойномъ Щенкивѣ, но можно смѣло сказать, что тогдашнее исполненіе было далеко не такъ удовлетворительно, какъ нынѣшнее». А того и не вѣдаетъ долго-памятный г. Н. Н., что можно смѣло сказать, что «Школа мужей» въ этой самой передѣлкѣ никогда вовсе и не шла на нашей (т. е. московской) сценѣ, что онъ, г. Н. Н., должно быть, на какойнибудь поддѣльной, фальшивой московской театральной афишѣ прозрѣлъ своимъ физическимъ окомъ названіе пѣсы: «Школа мужей», потому что хотя эта молевровская комедія и дѣйствительно *шла на нашей сценѣ*, но можно смѣло сказать, что не въ этой самой передѣлкѣ, а въ передѣлкѣ Кокоскина, и не подъ названіемъ «Школа мужей», а подъ названіемъ

«Урокъ старикамъ»; а было это уже такъ давно (въ ичадѣ нынѣшняго столѣтія), что — *можно смѣло сказать* — едва-ли кто, кромѣ г. Н. Н., и помнитъ-то *неудовлетворительное исполненіе* этой комедіи въ то далекое время. Ну, не чудодѣйственная-ли, *можно смѣло сказать*, память у этого г. Н. Н.? И небывалое-то все онъ помнитъ!

— Слышали-ли вы когда нибудь, какъ можно говорить по-русски, дѣлая удареніе на послѣдніе слоги словъ? Если не слышали, бывая часто въ театрѣ, то можно смѣло сказать, что ваше физическое ухо измѣняетъ вамъ. Знаете-ли, что вѣдь эдакимъ, *можно смѣло сказать*, невозможнымъ образомъ постоянно говорятъ Федотова; это (по словамъ г. Н. Н., Совр. Лѣт. № 41) — *ея обычный недостатокъ*!

— Вѣрно-ли, что будто въ *минувшемъ году* на «Дочъ Фараона» потрачено много денегъ, а уже съ *третьяго представленія* этого балета театръ *пересталъ давать* *потые сборы* (Совр. Лѣт. № 41)? Словно какъ *Дочь-то Фараона* поставлена не въ *минувшемъ*, а еще въ позапрошломъ году и словно какъ на всѣхъ представленіяхъ этого балета, вполнѣ до *масыяницы* (правда число этихъ представлений было невелико, потому что Лебедева къ концу сезона заболѣла) трудно было доставать билеты? Или тутъ каканъ нибудь стилистическая тонкость г. Н. Н. и подъ словами: *минувшій годъ* онъ разумѣетъ любой изъ прошедшихъ годовъ?

— Вы *любитель серьезной игры*, или вѣтъ? Если *любитель*, такъ *радуйтесь и радуйтесь!* Радуйтесь той довольно (не слабо-ли это сказано?) *приятной новостію*, которою г. Н. Н. *радуется* (Совр. Лѣт. № 41) *любителей серьезной игры: г-жа Чулановская принята на московскую сцену!* Радуйтесь г-жа Чулановская, которая, на взглядъ какого-то А. В., фельетониста «Развлеченія» (какъ видно, втораго Жеваккина и тоже «большаго аматера со стороны женской полноты») — *не одарена ни ростомъ, ни дароствоиъ* (Развл. № 48), эта г-жа Чулановская, на взглядъ г. Н. Н., *будетъ* (о провидецъ, пророкъ въ *нѣкоторомъ родѣ!*) *очень полезною исполнительницею высокой комедіи!* Радуйтесь радостью сугубою: оная г-жа Чулановская, по увѣреніямъ того же г. Н. Н., *будетъ очень полезною* и проч. особенно въ *комедіяхъ Шекспира!* Радуйтесь этому драгоценному приобрѣтенію!

— Радуйтесь и другому *драгоценному приобрѣтенію*, открываемому, въ томъ же 41 № Совр. Лѣт., княземъ Юріемъ Голицынымъ, который *любопытнѣе былъ* слышать г-жу Меньшикову, удовлетворялъ этому любопытству — послушалъ, восхитился и написалъ статью, въ которой, *при всеи уваженіи ея къ таланту пѣвицы*, расхвалилъ ее, *нашелъ въ ней много прекраснаго*, сдѣлалъ вскользь два, три легкихъ замѣчанія о недостаткахъ пѣвицы; показалось ему, что онъ *говорить о ея недостаткахъ такъ рѣзко* и въ сноскѣ онъ сдѣлалъ такую любопытную оговорку: «Есть у пѣвицы и другія погрѣшности, но я умолчу о нихъ, въ твердомъ убѣжденіи, что г-жа Меньшикова, какъ добросовѣстная артистка, сама ихъ знаетъ и позаботится объ ихъ исправленіи». Не правда-ли, сколь-

ко неподдельного умиления заключаютъ въ себѣ эти вѣсело строкъ? Золотымъ, а не чернымъ чернилами слѣдовало бы ихъ отпечатать? Ну, что бы вотъ, право, и намъ послѣдовать такому примѣру кн. Юрія Голицына и о всѣхъ плохихъ піесахъ, дурно исполняемыхъ и дурно обставляемыхъ, отзываться хотя бы по слѣдующей формулѣ: «Есть молъ въ піесѣ, въ исполненіи и постановкѣ ея *погрѣшности*, но мы *успокоились* о нихъ, въ *твердомъ убѣжденіи*, что авторъ піесы, исполнявшіе ее актеры, декораторы, машинисты, костюмеры, режиссеры, *какъ добросовѣстные артисты*, сами ихъ (т. е. эти погрѣшности-то) знаютъ и позаботились-молъ объ ихъ исправленіи». Право, попробуйте сдѣлать это! А ужъ какъ довольно бы были такими вашими отзывами не только что всѣ добросовѣстные артисты (о нихъ ужъ и рѣчи пѣть), но и читатели Антракта? А отъ какого тяжелаго труда, отъ сколькихъ косыхъ взглядовъ и ругательныхъ словъ избавили бы вы себя! Такъ бы всѣ васъ и стали *душикой* называть.

— Или ужъ хоть взяли бы себѣ въ примѣръ благодушіе Пановскаго. Вѣдь, надо правду сказать, либо дорого бываетъ поглядѣть, когда онъ (какъ напр. въ 39 № Совр. Лѣт.) начнетъ вдругъ изъ области свѣтлыхъ театралныхъ впечатлѣній вылезать что-нибудь и при этомъ преусердно, положитъ въ мушкетъ *волна* *Леты* свою *память*. Чегобы снѣтъ съ нея, всѣхъ *недобрыхъ впечатлѣній*. Вѣдь одна ужъ эта картина выполаскивая и стирка памяти чего стоитъ! А посмотрите, чего-чего только не знаетъ г. Пановскій. Онъ даже знаетъ и то, что *римляне върили въ фатулу* (Совр. Лѣт. № 39) И по итальянски знаетъ: «*снѣ ло за?*»—вдругъ ни съ того, ни съ сего возьметъ да и спроситъ о въ своего читателя; ну, вотъ сей послѣдній, (т. е. читатель-то), какъ невѣдающій итальянскаго языка, — и убитъ, и уничтоженъ! Какъ милъ этотъ архифельетонистъ даже и въ припадкѣ обычной его болтливости, когда, какъ бы нечаянно, разболтываетъ онъ *секреты афишъ*, какъ, разболталъ (Совр. Лѣт. № 39) секретъ бенефисной афиши танцовщика Соколова. А знаете-ли вы, что остроуміе Пановскаго сообщается даже сосѣдамъ его? Посмотрите, какъ на перебой, другъ передъ другомъ, острили сосѣди его во время представленія оперы «Фаустъ». одинъ даже на французскомъ діалектѣ (см. Совр. Лѣт. № 39). Презаразительное остроуміе! А какъ непроницаемо глубоко бываетъ порой, когда захочетъ, тотъ-же самый г. Пановскій! Захочетъ онъ, напр., отозваться порѣзче, поопредѣлительнѣе, понагляднѣе, полспѣе, да и скажетъ (Совр. Лѣт. № 39) напр., что *г-жи Александрови цевонла ошибочное представление о различныхъ положеніяхъ драмы и провела свое убѣжденіе въ цѣлой партіи*. Что-съ? Каково? Шалуны. И право, этотъ г. Пановскій, хоть въ свою очередь опъ и называетъ шалуномъ г. Радовежскаго (тамъ-же)! Или вдругъ порѣзистъ, что «неустрашная Зефора (въздвигая цирка Гинне) тверда я граціозна на ускоренномъ алжурѣ!» Ну не прелестно-ли же все это?

— И вѣдь находятся-же люди, у которыхъ до-

стаетъ духа обижать г. Пановскаго! Представьте себѣ, онъ жалуется (Совр. Лѣт. № 39), что *на него нападаютъ*, зачѣмъ онъ въ предварительной статьѣ его о циркѣ Гинне повторилъ общаго содержателя цирка. Бѣдвый г. Пановскій! Бездушный и маловѣрны тѣ, со стороны которыхъ идутъ эти нападки на маститаго фельетониста! Имъ, неразумнымъ, и не мечталось, какъ вѣдно, что г. Пановскій тутъ ни къ чему не виноватъ, что его ввѣлъ въ заблужденіе лѣкій *племянотентъ* (слово-то, зачѣмъ-те, какое!), что г. Пановскій, по своему обыкновенію, только *выписалъ изъ писемнаго заявленія повѣреннаго* (онъ-же и *племянотентъ*) г. Гинне, *какое заявленіе и сохранилъ себѣ на память* (чего-чего только, мы думаемъ, нѣтъ на памяти у г. Пановскаго: не даромъ онъ по временамъ *смыкаетъ ее мушкетомъ волнами Леты!*). И вѣдь г. Пановскій совершенно правъ. Мы очень хорошо помнимъ, что когда въ 216 № Моск. Вѣд. г. Пановскій говорилъ: *Помяните мое слово, Гинне не будетъ въ убытокъ* (что думаетъ теперь на этотъ счетъ г. Гинне и чѣмъ—добромъ или лихомъ *помянулъ* онъ слово г. Пановскаго), *потонди цирка пуста не будетъ* (сбылось-ли и это?), *циркъ построенъ удобно* (въ крепости трудно сплѣсть и вовсе нельзя проходить), *комфортъ повсюду* (капель съ потолка), *труппа составлена изъ первыхъ значенностей* и проч. и проч., когда, повторяемъ, свидѣтельствовалъ обо всемъ этомъ Пановскій, то вѣдь онъ ссылался на какую-то *толстую книгу съ вырѣзками изъ газетъ разныхъ городовъ* (въ газетахъ разныхъ городовъ писали объ устройствѣ московскаго цирка Гинне). Къ тому же, въ томъ же фельетонѣ своемъ вашъ фельетонистъ увѣрялъ, что *на фельетонныя похвалы не всегда можно полагаться*. Кажется, ужъ ему-то, Нестору московскаго фельетона, г. Пановскому то можно было въ этомъ совершенно пофигить и *на похвалы его не полагаться*. Нѣтъ-таки, нашлись и тутъ маловѣрные, которые вотъ теперь и *нападаютъ* на него. О нападкахъ на г. Пановскаго вы можете прочесть въ его пренитересной статьѣ, помѣщенной въ № 39 Совр. Лѣт., подъ остроумнымъ названіемъ: *Вчера, сегодня, завтра*, въ статьѣ, которая съ немалымъ удобствомъ и остроуміемъ могла бы носить и тысячу другихъ, столько-же остроумныхъ названій.

— Какъ будто кто-нибудь еще въ наши дни не догадывается или даже не знаетъ, что фельетонисты пьютъ и посвистываютъ единственно только изъ любви къ искусству пѣнія и свиста? Г. Пановскій въ этомъ смыслѣ называетъ (Моск. Вѣд. № 255) современныхъ фельетонистовъ почти рапсодами, потому что управившаетъ ихъ Гомеру и самъ пишетъ тамъ-же), по истинѣ, гомерическую рапсодию: *Прекрасную Елену*, въ которой *воспѣваетъ—прекрасную и скромную пятнадцатилѣтнюю дочь г. Николая Тора*. Въ этой рапсодѣ г. Пановскій совѣтуетъ даже и не *спрашивать* о томъ, кто такой этотъ Форъ, совѣтуетъ не *признаваться, что это иная неувѣстна* (ну, не проказникъ-ли?). А далѣе *внушаетъ, что это иная затмѣно безсмертныя имена Боско и Роберта Гудсъ* (прятно слышать!). Но этимъ еще

не ограничивается г. Пановскій, а, отложив *шутки въ сторону*, (замѣтите это его собственныя слова) рѣшаетъ, что отецъ и дочь Форы *до того искусные фокусники, что имъ нужно дать названіе мимодренныя*. Этого *мимодреннаго* названія однако раскодъ для нихъ, къ сожалѣнію, такъ и не прибралъ, а дѣйствительно это было бы *нужно*. Что же оказывается? Что въдъ и тутъ неутомимый *шутникъ* раскодъ *шутковъ въ сторону* на самомъ дѣлѣ не откладываетъ и только *пошутитъ*, потому что, какъ это видно изъ Русскихъ Вѣдомостей, Форы оказались самыми дюжевными фокусниками, фокусы которыхъ должны поблѣдвѣть даже передъ фокусами, покупаемыми за нѣсколько рублей въ магазинѣ Вольфа. Московская публика, знающая вдоль и поперекъ своего шутника-раскода, шутку его такъ за шутку и приняла и на представленіе Форовъ не поѣхала.

— Знаете-ли вы, что не одинъ Петрупка Чичикова любилъ заниматься процессомъ чтенія? Поищите-ли, что и г. Пановскій не прочъ порой отъ подобнаго времяпрепровожденія? Онъ самъ признается: въ той-же рѣзводѣ: «Прекрасная Елена», что *прочелъ шведскіе и датскіе журналы, которыхъ не понималъ*. Не изъ этихъ-ли шведскихъ и датскихъ журналовъ и вычиталъ онъ все достовѣрное содержаніе его раскода?

— А что вы скажете о раскодѣ другого раскода Московскихъ Вѣдомостей, болѣе г. Пановскаго конфузливаго и прячущагося за буквами С. Я., именно о раскодѣ его, помѣщенной въ 262 № Моск. Вѣд., подъ скромнымъ названіемъ *Театральнаго извѣстія*, въ которой провинецъ-раскодъ удостовѣряетъ публику, что ей, при представленіи «Месты», *предстоитъ не мала веселаго снѣху*? Если же на самомъ дѣлѣ публикѣ, собравшейся на «Месту», было вовсе не до смѣху, то не должно ли это быть скорѣе объяснено какими-нибудь типографскими тайнами, или какими-нибудь разными *прецедентами*, чѣмъ крайнимъ недостаткомъ предвидѣнія и мутностью зрительныхъ органовъ раскода С. Я.?

— Слышали-ли вы еще объ одной важной новости, именно о томъ, что кромѣ *Фельетонной Христинки*, вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени появится въ свѣтъ *Русскій хореографическій лексиконъ*, о которомъ упоминаетъ уже Москвичъ (Моск. Вѣд. № 259)? Не радовалось ли ваше сердце, когда вы, читая означенную статью Москвича о «Конькѣ-Горбункѣ», рядомъ съ *двоишными кабрюллитами, лескостыо биллоном, иданію* (которыми, по обыкновенію, оснащаютъ статьи), узрѣли русское слово: *заносъ*, заимствованное Москвичемъ изъ выдержки изъ *Русскаго хореографическаго лексикона*? Ну, не благодарны ли этотъ лексиконъ для всѣхъ пишущихъ и читающихъ статьи о балетѣ? Только, какъ думаете вы, нельзя-ли бояться за состоятельность грамматической стороны этого лексикона, если составляется онъ тѣмъ же самымъ Москвичемъ, который, по какому-то своему особенному синтаксису, изобрѣтаетъ такія напр., любопытныя фразы: *адажіо илтой картины съ тѣсколькими оборотами, стол* (т. е. кто-же: *Адажіо*, что-ли? По грамматикѣ выходитъ такъ) *на носѣ одной ноги, были исполнены огарова-*

тельно? Впрочемъ, не составляетъ-ли Москвичъ и *Русской хореографической грамматикѣ*?

— Знаете-ли, что въдъ *рыбы-то* (въ «Конькѣ-Горбункѣ») *ходили головами и всѣмъ туловищемъ вверхъ, что естественно* (Моск. Вѣд. № 259), а что, стало быть, если-бы рыбы ходили головами и всѣмъ туловищемъ внизъ, то это было бы *естественно*? Точно-ли *хожденіе* рыбъ (каково бы оно ни было: вверхъ-ли, внизъ-ли головами) *естественно* и въ силу какого-такого естества, какихъ-такихъ законовъ природы рыбы должны плавать, а не плавать? Отчего, кстати, объяснить двумя строками выше, что *костюмы національностей, конечно, принципіальны къ требованіямъ балета*, Москвичъ не благоволитъ допустить такого же *примѣненія къ требованіямъ балета* въ отношеніи костюмовъ рыбъ? Живъ-ли даже и какой-нибудь особенной *хореографической логики*? Не требуется-ли также учебникъ и по этому предмету?

— Скажите, пожалуйста, можете-ли вы указать намъ въ какомъ-нибудь журналѣ, въ какой-нибудь газетѣ хоть одну статью о какомъ бы то ни было новомъ балетѣ, статью, въ которой бы разбираемый балетъ прежде всего не назывался бы *диспертизмомъ*? Блѣдность-ли мышленія, недостатокъ-ли изобрѣтенія, неумѣнье-ли смотрѣть своими глазами, любовь-ли къ общемустрепанному мѣстамъ, или просто чудодѣйственное столкновеніе идей надобно видѣть въ томъ, что и «Конькѣ Горбункѣ» названъ дивертисментомъ четырьмя рецензентами: въ Развлеченіи (№ 48), въ Русскихъ Вѣдомостяхъ (№ 145), въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 259) и въ Антрактѣ (№ 47)? При такихъ условіяхъ, при такомъ исключительномъ господствѣ въ балетныхъ рецензіяхъ общаго мѣста, пужень ли, впрочемъ, и можетъ ли разойтись въ продажѣ *Русскій хореографическій лексиконъ*? Не прогадать бы составителю его!

— Новость-ли, что въ циркѣ Гинне есть *уменьшій локонъ, выведенный г. Беллономъ* (см. афишу цирка 25 ноября) и *буйволъ, выведенный Альфонсомъ Литолетти* (см. афишу цирка 28 ноября)?

— Знаете ли вы, что Франклинь былъ изслѣдователь *полярнаго полюса*? Неужели не знаетъ? Да не въ пашей ли же газетѣ (въ Смѣсп 47 № въ статькѣ о боксерахъ) доведено это до свѣдѣній публики? Кто же, скажите, открылъ *неполярный-то полюсъ*? Ужъ не изъ сотрудниковъ ли вашихъ кто-нибудь? Чего же онъ въ такомъ случаѣ скрываетъ, скромничаетъ и не хочетъ затѣмнить славою своею даже славу Франклина, открывшаго *полярный полюсъ*? Не умственнымъ ли окомъ просматриваете вы иногда корректуру?

— Читали ли вы въ 43 № Современной Литературы статью г. Давидова, въ которой онъ жалуется на условія, которыми московская консерваторія (Музыкальная школа—тоже) *стѣсняетъ* своихъ свободныхъ художниковъ, профессоровъ и адъюнктовъ, не позволяя послѣднимъ брать менѣе 5 и 3 рублей за частные уроки, принимать участіе въ концертахъ безъ дозволенія Консерваторіи и проч.? Не заключается ли главная причина этой репрессивной запретительной системы въ нестатки подперну-

шемся и плохо понятомъ иностранномъ словѣ? Не думаютъ ли, что самое слово: *консерваторія* (заключающее въ себѣ понятіе о сохраненіи, сбереженіи) обязываетъ консерваторовъ собирать въ консерваторію музыкальныя силы и, подобно всякаго рода *консервантъ*, держать ихъ въ строгой укуоркѣ и блюсти отъ распространенія и потребленія? Благодаря этому недоразумѣнію, имѣетъ ли Консерваторія въ виду то, что, по свидѣтельству Москвича (Моск. Вѣд. № 242), пыла въ виду Дума, называя пособіе Консерваторіи, т. е. то, что *развитіе въ массѣ любви къ музыкѣ есть лучшее противодѣйствіе пьянству*? Какъ вы думаете, склонна ли Консерваторія смотрѣть на себя глазами Думы, т. е., какъ только на противодѣйствіе, *регентъ* (видите, я мы умѣемъ пускать пѣходъ иностраннаго слова) *пьянству*?

— Почему на театральныя афишахъ, въ названіи одной мольеровской комедіи слово *тыкарь* пишется постоянно черезъ е? Не существуетъ ли какой-нибудь особенной грамматики, которою бы разбивалось примѣчаніе ко 2 пункту 48 параграфа 1 части Исторической Грамматики Буслаева, примѣчаніе, обстоятельно излагающее примѣну, почему необходимо слово *тыкарь* писать черезъ ѣ, а не черезъ е?

— Правда ли, что «сестры Патти *пожирютъ* лавры и золото», какъ сказано въ Смѣси 39 № Антракта?

— Правда ли, что *Минный Большой* Мольера *трунитъ* да и *труптъ* — то еще *по-русски*, а *Данденъ* — *спѣется*, да и *смѣется* — то еще *степенно*, какъ сообщаетъ фельетонистъ «Развлеченія» (№ 37-й)? Какъ же это намъ казалось, да и вы, помнится, говорили, что *имъ* обопытъ пѣ пору хотѣ плакать, особенно послѣднему? Правда ли и то также, что *Минный Большой* — отъявленный драчуны: *онъ колетъ, задѣваетъ, бьетъ не въ бровь, а въ глазъ* (читай: физическое око)?

— Не знаете ли вы примѣны, почему такъ въпечатлени г. А. В. авторъ «Театральныхъ курьезовъ и замѣтокъ», помещаемыхъ въ Развлеченіи, крѣпко *Боги Олимпъ въ Москву*, падшей на нашей сценѣ съ перваго раза, что благоволилъ не только говорить объ ней въ двухъ №№ Развлеченій (№№ 47 и 49), но даже присоединить къ ней еще третій актъ (№ 48 Развлеченія), въ то время, какъ и безъпечнымъ-то ея авторомъ она написана только въ двухъ?

— Довольны ли вы откровенностью г. Вс. Крестовскаго, который, съ яркетою развязностью, извѣщается передъ читателями «Петербургскихъ труппъ» за *очевидные* (лишь физическому оку) *пробы въ эстетическомъ и даже логическомъ отношеніяхъ*? Неправда ли, это извѣщеніе очень умѣстно въ самомъ почти концѣ романа, читая два цѣлыхъ года первыя четыре части котораго, читатель долженъ былъ самъ догадываться только о томъ, чему *вознамѣрился раскрыть* теперь авторъ? Почему бы не воспользоваться этимъ удобнымъ средствомъ и не поступиться въ подобное откровенное изліяніе передъ публикой и всѣмъ авторамъ разныхъ оригинальныхъ драматическихъ подѣлокъ? Почему бы въ самыхъ афи-

шахъ не увѣдомлять зрителей объ эстетическихъ и логическихъ пробѣлахъ въ разныхъ современныхъ драмахъ и комедіяхъ?

Обскурины.

СЕНСАЦИИ ПО ПОВОДУ ТЕАТРАЛЬНОГО ОБИХОДА.

Недавно я смотрѣлъ драму Гальдерона «Ересь въ Англіи». Рядомъ со мною сидѣли двѣ чувствительныя барышни и горько оплакивали злополучную судьбу королевы Екатерины. Вдругъ, одна изъ нихъ неожиданно разсмѣялась, да такъ страшно, что плачетъ и въ то же время смѣется, — какъ это обыкновенно бываетъ при неестественномъ, насильно-вызванномъ смѣхѣ. Потомъ слышу, она говоритъ своей сосѣдкѣ: «Ахъ! какъ нестатъ, врано, разсмѣшили меня эти мужики... Ну, зачѣмъ в какихъ чудомъ могли они попасть во дворецъ Генриха VIII?» И въ голосъ смѣявшейся барышни звучало столько досады, что я не ошибусь, если предположу, что ей было очень жаль разстаться съ ея иллюзіею — видѣть въ лицѣ г-жи Васильевой — дѣйствительную *Екатерину*, въ г. Самаринѣ — *Генриха VIII*, а въ декораціяхъ — *натуральный дворецъ*.

Мужики, причинившіе барышнѣ такой «неожиданный пассажъ», были тѣ самые, которыхъ выпускаютъ на сцену передъ перемѣною декорацій для уноса и расстановки мебели. Одѣваютъ ихъ въ разноразное трико, фантастическія куртки, съ растрепанными бородами (au naturel). Будъ на сценѣ тронная зала Генриха VIII, Людовика XIV, кабинетъ Риппелсе, или комната простаго смертнаго (лишь бы не современнаго и не русскаго) придворнаго *мужички* — все въ одномъ и томъ же, неподобающемъ костюмѣ. Но такая неосмотрительность режиссера скорѣе можетъ насмѣшить, нежели разсердить, а вотъ другая нецѣльность, о которой я скажу ниже, такъ та уже злитъ меня всегда не на шутку, и именно, потому что чаще всего встрѣчается въ шекспировскихъ и мольеровскихъ пьесахъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ, по большей части, бываетъ — городская улица. Въ силу какихъ уважительныхъ причинъ, сцена, изображая въ этихъ пьесахъ улицу, во все продолженіе акта, а иногда и всей комедіи (у Мольера), остается совершенно пустою? Кромѣ трехъ, четырехъ дѣйствующихъ лицъ, зритель не видитъ ни одного проходящаго горожанина; а между тѣмъ на декораціяхъ нарисованы трехъ-этажныя, изящной архитектуры зданія, невообразимыя, что дѣйствіе происходитъ въ лучшей и, следовательно, многолюдной части города? Вѣдь, пожалуй, подумаешь, что Парижъ, Неаполь или Венеція — просто деревушки, въ сравненіи съ матушкою Москвою! Въ «Тяжелыхъ дняхъ», напр., по Кремлевскому саду то и дѣло снуютъ проходящіе и гуляющіе (отъ чего картина получаетъ живую и вѣрный дѣйствительности колоритъ), а въ «Школу мужей», кромѣ трехъ главныхъ персонажей, да изрѣдка появляющихся въсколькихъ второстепенныхъ, на улицахъ шумнаго Парижа не видать ни единой живой души, какъ будто бы въ немъ недав-

но сирѣвствовала чуша, или паржане условились всячески избѣгать творившихся среди бѣлаго дня интригъ и даже такихъ занимательныхъ зрѣлищъ, какъ палочная сцена въ «Продѣлкахъ» («Канена»). Подобное хладнокровіе парижской толпы къ уличнымъ скандаламъ, по истинѣ, для меня изумительно! Попробовалъ бы Скапенъ сыграть свою остроумную шутку съ Жеромомъ у насъ, хотя бы въ самомъ глухомъ переулкѣ, — Боже мой, сколько собралось бы публики!...

Я очень хорошо понимаю, что рабская копія съ действительной жизни не только не составляетъ цѣли искусства, но и унижаетъ его, и что требовать, въ данномъ случаѣ, олицетворенія на сценѣ городской жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется на самомъ дѣлѣ, — мало того, что невозможно, но и неразумно (кто бы пожелалъ видѣть на драматической сценѣ экипажи, лошадей и т. п.?); по все это нисколько не мѣшаетъ желать возможно — правдоподобной обстановки, какъ напр. появления въ глубинѣ сцены, изображающей улицу, проходящихъ время отъ времени горожанъ, а также и некоторыхъ уличныхъ типовъ въ родѣ разносчиковъ, фиглярровъ и т. п. Всѣ они преспокойно проходили бы и, безъ желанія автора, никто изъ нихъ не осмѣлился бы нарушить ходъ пьесы; а между тѣмъ приподобіе обстановки значительно бы отъ того выиграло.

Режиссеръ можетъ сослаться на примѣчанія автора, въ которыхъ онъ ни слова не говоритъ объ уличной толпѣ, но я не думаю, чтобы подробности постановки были дѣломъ автора: онъ указываетъ только на общій характеръ ея, а забота понять и развить сдѣланное авторомъ указаніе лежитъ на лицахъ, специально для сего предназначенныхъ. Шекспиръ и Мольеръ, вѣроятно, не желали показывать публикѣ дѣвія своихъ героевъ среди пустынныхъ улицъ какого-то сказочнаго, спящаго городка, хотя они не сдѣлали оговорокъ о допущеніи на сцену того или другаго признака городской жизни.

А rigorous, еще болѣе одной нелѣпицы. Въ 4-мъ актѣ оперы *Фаустъ* возвращаются изъ похода солдаты съ огромными, куда нѣ 1½, а, пожалуй, и болѣе, мечамъ. Послѣ сладкаго свиданія съ своими семействами, — отъ необычайной ли радости, обезумѣвшей ихъ, или отъ чего другаго, — они передаютъ свои исполнскіе мечи семи, восьми-лѣтнимъ дѣтми. Сп. послѣдствія, къ вѣщему удивленію публики, нисколько не смуглись безразсудствомъ своихъ родителей, охотно принимаютъ мечи и съ ними торжественной рысью несутся по своимъ домамъ. Гг. ре-

жиссеры! — взываю къ вамъ — пошадите нѣжныя силы малютокъ, или не запыляйте такъ открыто, что мечи то видѣ картонныя!...

А. А. — 88

ПЛАЧУЩЕЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КОПИИ.

Кисъ, кисъ, кисъ! — Какъ ты попала
Въ закулисные края?
Что мяунишь? Что вдругъ стала
Шерсть щетиниться твою?

— Ахъ, мяу, мяу! — Не чисто,
Межъ людьми! Коваренъ свѣтъ!...
Я жила у машиниста
Не одинъ десятокъ лѣтъ...

Сколько крысъ переловила
Разныхъ, лѣтъ и величинъ!
Отъ зубовъ ихъ сохранила
Сколько разныхъ я машинъ!

А теперь, — какъ плохи силы,
Какъ ужъ пѣтъ того чути,
И глаза, и когти хлы, —
Не пригодна стала я.

Старыхъ кошекъ быютъ, гоняютъ...
Старыхъ чествуютъ людей!
У старухъ не отнимаютъ
Тамъ молоденькихъ ролей.

А для зрителя — актрисы
Эти, чай, скорѣй всего
То же, что и я — для крысы,
То есть, — ровно ничего.

Тамъ любалъ, чай, готова
Старость юностью стряхнуть
И въ полвѣка добрыхъ снова
Юной дѣлою блеснуть...

— Охъ, кисурка! Не завидно
Положеніе тѣхъ актрисъ!
Съ вѣхъ примѣръ тебѣ брать стыдно!
Пожалѣй ихъ! — Кисъ, кисъ, кисъ!

W.

Ред. А. Баженовъ. Изд. По. Смирновъ. (Ред. на Молчановѣ. въ Голубинскомъ пер., въ д. Дурновой)

Печатано съ дозволенія цензуры, въ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Пл. Боминова), на Цинковской ул.